

72 фидн 203020р

Мухамед САДРИ

КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ

Ради мыслей, ради
Лучших дней в году
По бульжной ряби
Медленно иду.
Думаю о чуде,
Что свершилось тут.
Эту площадь люди
Красною зовут.
Память всходит песней,
Обнажив слова:
Стынувшая Пресня,
Зимняя Москва,
В переулке ближнем
Треск на чердаке.
И седой бульжник
В поднятой руке.
Этот вечер вьюжный
В сердце не затих.
Нам служил оружием
Камень мостовых.
Он решал задачи
Канувших веков.
Влек юнцов горячих,
Мудрых стариков.
Камни помнят свято
Сходку на заре,
Перестрелки в пятом,
Песни в Октябре.
Эти камни в чинной,
В мирной тишине
О пути к Берлину
Повествуют мне.
Да, народ в движенье
Ими был храним.
Новым поколеньям
Проходить по ним.
Помни, площадь, клятвы,
Вечно береги
Наших космонавтов
Четкие шаги!
Вдаль шагать героям.
Но теперь и впредь
Под ноги порою
Стоит нам смотреть:
Ведь немало значит
Камень для веков,
Для юнцов горячих
И для стариков.

Перевел с татарского
Вл. Савельев

Его называют «уста Курбан». «Уста» — азербайджански — мастер в самом высшем значении слова. В этом профессиональном звании есть и нравственная оценка. Вот две страницы из жизни Курбана Абасова и отрывки из его воспоминаний. Думаю, они помогут понять многозначный смысл абасовского «титула». ...1949 год. Бурение идет в ста километрах от берега. Буровики еще не знают, что их скважине суждено положить начало уникальному нефтепромыслу на мостах-сваях в Каспии. Ведет проходку знаменитый Каверочкин.

Его внимание привлек новичок, рослый, стройный парень, берущийся за любую работу — верхового, слесаря, грузчика. И, видно, такой у парня талант — все у него получалось ладно. Еще заметили: даже когда штормит море, нет в глазах парня страха — одно любопытство. Словом, вторую скважину Каверочкин поручил Курбану Абасову (так звали парня) бурить самостоятельно. Случай, скажем прямо, не из частых.

К. Абасов. Удивительный это был человек, Михаил Каверочкин. Воспитывал бригаду, будто это его семья. И к делу относился так, что рядом с ним невозможно было работать спустя рукава. Помню, когда мы тушили первый пожар, мастер лез в самое пекло... Он и погиб на посту. Несколько лет спустя. Шторм двенадцать баллов, говорю с ним по радио, отвечает: «Все нормально», — и отключился. А наутро узнали: смыло основание, и погиб Михаил Павлович. Учитель мой. И в профессии и в отношении к жизни.

Вместе с новой должностью Курбан получает моральное право время от времени заглядывать в конторку, притулившуюся на корме разбитого корабля, — сюда не достают волны, можно позаниматься в свободную минуту (он еще учится заочно), а заодно укрыться от ушей, забирающих даже в продуктовые сумки.

Но и в первом своем неказистом «кабинете» и в других, покомфортабельней,

когда «двинулся вверх», он был одинаков; шел за советом к людам и приходил на помощь сам.

К. Абасов. У моря свои законы. Оно чинов не признает. Одна мерка: человек. Помню, как главный геолог Нефтяных Камней Фуад Самедов на маленьком катере (тогда еще не было нынешнего могучего флота) прибыл к нам на буровую, отрезанную штормом, и на веревке передал воду и продукты. Не его забота, а он прибыл. И тут дело не только в личной отваге. У нас руководитель беспомощен, если, так сказать, море не врывается к тебе в кабинет.

...В кабинете управляющего трестом «Каспморнефтеразведка» Героя Социалистического Труда, лауреата Государственной премии Курбана Абасова планерка. Теперь владения Курбана — весь Каспий, от туркменского берега до камня Головина на западе. Все не просто: ежесуточно в работе до сорока буровых. И глубины — до пяти тысяч метров.

Вдруг отчаянно замигала красная лампочка. Из селектора донесся взволнованный голос:

— Уста! На восьмой — авария! Принимаем меры. Но ты приезжай, пожалуйста! Управляющего словно выдуло ветром из кабинета.

А вот что случилось. В скважине на глубине 4 500 метров сломалась так называемая шейка квадрата. Буровой инструмент грохнулся вниз, намертво за-

купорив ствол. И тогда управляющий проявил не просто знание всех нефтяных профессий, но и еще кое-что, как говорят, от лукавого. Курбан Абасов поднял инструмент, проколдовал у буровой шесть часов. Скважину спасли. Я часто слышал: «Уста Курбан? Да завяжи ему глаза, все равно укажет нужную геологическую точку на море. И любую буровую «вылечит»...»

Выдумка? Преувеличение? Нет: речь идет об Абасове.

К. Абасов. Мне просто везет на хороших людей. В молодости — Каверочки. И Сейд Рза, ученый. А сейчас, если чувствую в трудную минуту, что не хватает собственных знаний, спешу к моим мастерам — Эдуарду Асланову, Соломону Розенбауму, Ахмеду Дуньямалиеву. Знаете, даже просто смотреть на их работу — уже удовольствие. В общем, так: всем я обязан товарищам своим.

Глубина — не только пройденные им скважины. Это и мера отношения Курбана Абасова к тому делу, которое ему выпало, к людям, рядом с которыми и для которых он живет.

Глубину эту на Каспии измеряют особым лотом: дружбой. Она подняла в море стальные острова. О ней рассказывает на звуковой странице песня-репортаж.

Л. ТАИРОВ,
корреспондент «Правды»

г. Баку
Фото Л. Лазарева

ЗОЛОТАЯ
ЗВЕЗДА
ГЕРОЯ

ГЛУ БИ НА

ГОЛОСА НАШЕЙ БИОГРАФИИ

Запахам и звукам, как и вещам, дан будоражащий дар вдруг наполнить все твое существо шемящей подробностью прошлого. Но границы воспоминаний, вызванных старым письмом, найденным тобой в потертой полевой сумке, или школьным пеналом, который мама выбросила на чердак, очерчены резче. А звуки... Они прежде всего будят чувство, в нечетких и волнующих наплывах которого возникают облики прошлого. Такая память множественней и подвижней. Случается, что где-то в командировке в городском саду ты услышишь вдруг

неумелую поступь мелодии духового оркестра, тяжкую одышку литавр, и сразу: резанув сердце, одновременно прильнут к тебе поле твоего детства с полотняными крыльями авиамоделей, и загоптаный двор военкомата осени 41-го, и московский перрон, неожиданно взрослая спина твоего сына, обтянутая зеленой рубахой студенческого стройотряда... А недавно вот так же сразу я ощутила, увидела большую жизнь нашего государства, то, о чем читала, о чем рассказывали мне, чему сама была свидетелем. Наш корреспондент привез записи со стройки Саяно-Шушенской ГЭС. Обрывки голосов, хруст железа, стон ветра.

Звуки. И биография страны, ее голоса заговорили со мной.

Мне казалось, я слышу, как скрежещет песок меж прибалхашских барханов на стройке Турксиба в конце 20-х годов. Песчаные бури раскаленным шквалом наваливаются на людей, а под только что возведенным полотном — пустота. Пески выдуло, будто смыло водой...

Я отчетливо вижу сегодня: молодой казах Ахметжан Моженев бросается в камышовые заросли. За ним — другие. Они плели из камыша канаты, связывали их в сеть и, как непокорную рыжую рыбу, ловили ею насыпь. Они работали дни и ночи, и песок был обуздан, замурован.

...присутствуете при погвиге ■ ...присутствуе

МАРШРУТАМИ ПЯТИЛЕТКИ

Я был свидетелем этого события. Я расскажу о нем.

В апреле нынешнего года строители Саяно-Шушенской ГЭС совершили небывалое: на отвесные скалы енисейского берега был поднят 185-тонный экскаватор. Для всей стройки это означало выигрыш во времени в два года.

...Енисей прорезал здесь бурый песчаник гор, словно огромная пила, положенная чуть набок. Правый берег достаточно отлог и густо покрыт лесом. На нем полным ходом идет работа: режет грунт экскаватор, гудя, ползут по серпантину дороги тяжелые БелАЗы, а через точные промежутки времени, надрывая душу, воет сирена, и от взрыва вздрагивает земля. Готовится место под плотины. Левый же берег воздвиг на пути строителей неприступные скалы — на них дереву зацепиться негде. Казалось, здесь возможен только испытанный способ — строительство обходной дороги, а затем и тоннеля. Только так можно подать тяжелый экскаватор «Уралец» в нужную точку. Это, однако, означало отсрочку всего строительства. А что делать? Скалы есть скалы.

**на енисейской
крутизне**

На фото А. Лидова проектировщик В. Михалев, экскаваторщик А. Бутин и главный инженер стройки А. Долматов — трое из большого коллектива саяношущенцев, сумевших поднять крутой енисейский берег экскаватор «Уралец».

Гудит на пленке ветер, и мне кажется, что он гудит на сорокаметровой высоте, где высотник Михаил Крутяков ведет кленку шва домы «Комсомолка» — одна из первых домен Магнитки.

Темнеет небо за горой Атач, и ураган уже ждет ларта. Напарник сказал тогда Мише: «Нужно спускаться». «А если эта штукавина грохнется на людей?» — спросил Михаил. Он остался наверху и продолжал клепать. Остался, пока ураган не смел его.

Отец Михаила позднее прислал письмо: «Мне тяжело, но на место старшего сына посылаю младшего, пусть достроит то, что не успел сделать Михаил».

Они, как бывает в поредевшем в бою батальоне, приходили на смену друг другу — поколения моих сограждан, возводивших новый мир.

Не при мне вставал Днепрогэс. Но я могу представить ледоход 31-го года, когда паводок в каком-то бешеном отчаянии ринулся на уже почти готовую плотину, чтобы сорвать с Днепра эту бетонную узду. Сутки воевали с водой тридцать тысяч добровольцев. И крановщик Павел Бурбе. Четырнадцать часов он не выпускал из рук рычагов, грузя мешки. Он сошел на перемычку, качаясь. А потом таскал еще носилки с щебенкой и вкочивал сваи.

Я не знаю Павла Бурбе, я не видела, как строили Днепрогэс. Но я видела, как в развороченных взрывами шахтах Донбасса, когда отхлынула война, работали восстановители. Я видела, как люди телами закрывали проем, откуда рушилась в забой вода, и эта теплая живая плотина сдерживала ледяной напор.

...Маленький пожарный катер пришел к скважине 198 через огонь. На пяти тысячах квадратных метров у азербайджанских Нефтяных Камней горел Каспий. Горела нефть. Маленький пожарный катер стоял под вышкой, готовый свалиться на него. И когда обмякали планги и пре-

те при погвиге ■ ...присутствуете при погвиге

кращалась подача воды, потому что моторист терял сознание, на его место приходил другой, потом третий... И катер не ушел, пока не пробил брешь в огневом заслоне.

Звуки пленки, только что привезенной моим товарищем со стройки Саяно-Шушенской ГЭС, возвращают мне молодость государства и горячее дыхание событий. Как огненный пунктир трассирующей пули, перелетающей за горизонт времени, тянутся следы через нашу общую биографию, ибо события эти — звенья одного подвига.

Сотый раз выходит в свет «Кругозор». Его звуковые границы собирали голоса

нашей истории — голоса быта и голоса подвига. Звуки, которым дан дар будоражить воспоминания, наполняя их множественностью и остротой подробностей. И еще — ощущением присутствия. И сколько длится наша биография, столько длится подвиг. Сегодня вы вновь присутствуете при подвиге.

На первой звуковой странице, подготовленной В. Возчиковым, — вчерашний и сегодняшний день героики. Вы услышите голоса Серго Орджоникидзе, академика И. Тамма, космонавта К. Феоктистова, вулканологов Камчатки, строителей Усть-Илимской и Саяно-Шушенской ГЭС.

Галина ШЕРГОВА

...присутствуете при подвиге

Несколько лет назад, очевидно, просто ускорили бы строительство дороги. Но на Саяно-Шушенской ГЭС работают люди, за плечами которых Братская и Красноярская электростанции. Это опыт плюс неожиданность решений. И решение выявилось.

Молодой инженер Василий Михалев предложил использовать для подъема экскаватора узкую расщелину в скалах — сухое русло ручья длиной около 400 метров, сверху заканчивающееся небольшой скальной площадкой. Угол наклона горы здесь около 30 градусов. А считалось, экскаватор способен одолеть наклон лишь в 18 градусов. «Когда в августе прошлого года мы поднялись по этому логоу и посмотрели сверху вниз, не знаю, как другим, но мне стало страшно, — вспоминает теперь Михалев. — И все-таки появился у нас такой протокол: «Технически поднять возможно».

Подобных подъемов ни на одной стройке еще не делали. Пришлось придумывать все самим. А трудности вставали одна за другой.

Прежде всего выяснилось, что проект закрепления главных блоков, на которые ложилась основная нагрузка подъема тяжелой машины, невыполним. Он требовал доставки на верхнюю площадку многих кубометров бетона. И инженер Иван Руденко изобретает небольшое крепежное устройство.

Шестнадцать таких креплений, вбитых в скалы на восьмиметровую глубину, и

выдержали почти двухсоттонную тяжесть экскаватора.

Дно лога было узко для машины. И механизатор Николай Обидин поднимает на верхнюю площадку бульдозер, расширив и выровняв дорогу.

Сейчас подсчитано многое — колоссальная экономия средств, материалов и людского труда. Подсчитана и скорость движения экскаватора, позволившая огромной стройке сделать скачок на два года вперед. Она была всего 60 метров в час. Но можно ли подсчитать главное — моральный рост людей, ставших первооткрывателями в трудном деле?

...На шестом метре медленного продвижения экскаватор вдруг начал крениться на бок: правая гусеница просела в вымоину русла. Вот уже один из блоков ткнулся в землю, вырвался из гнезда трос... И тогда экскаваторщик Александр Бутин, управлявший «Уральцем» через выносной пульт, передал его помощнику и запрыгнул в кренящуюся машину...

Фрагмент репортажа о «восхождении» экскаватора на крутой берег Енисея включен в первую звуковую страницу.

И. ЦИБУЛЬСКИЙ

поселок Майна, Красноярский край

Я смотрю на два портрета Горького. Один сделан давно, в 1901 году, вслед за репинским портретом молодого писателя. Художник писал тогда о своей модели: «Это очень высокий сутулый человек, с простой широкоскулой физиономией, русыми волосами, в одних усах. Портрет Репина похож, но в нем... ускользнуло очень существенное выражение мягкости и доброты в лице Горького».

И второй портрет, датированный 1934 — 1935 годами. Портрет всемирно известного писателя, очень пожилого человека, сделанный молодым художником. Скорее графический набросок. Горький за столом, руки положены одна на другую, глаза за очками, зачесанные назад волосы, седые усы. Горький сидит, но чувствуется, что это очень высокий человек. Авторы этих портретов — два больших русских художника Михаил Васильевич Нестеров и друг его и ученик Павел Дмитриевич Корин.

Между этими портретами огромная жизнь Алексея Максимовича Горького. Не долгая, не продолжительная, а именно огромная. Жизнь, прожитая с огромной страной, которая была и Российской империей с царствующим домом Романовых (Ходынка, Цусима, «Патронов не жалеть и холостых залпов не давать»), и Русью (крючники на Волге, кашляющие иконописцы), и подпольной Россией (Александр Ульянов в студенческой шинели на Невском проспекте, а в руках тяжёлый сверток — бомба), и Россией, выходящей из подполья («Команду флотом. Шмидт»), и той, которая стала Союзом Советских Социалистических Республик. Горький не был москвичом, но Москва назвала его именем свою главную улицу.

свой лучший в то время театр и на площади у вокзала, где встречала она Горького, поставила ему памятник — один из лучших московских памятников. Улица Горького, МХАТ имени Горького, Центральный парк культуры и отдыха имени Горького...

Но есть в Москве еще один горьковский уголок. У Никитских ворот, рядом с величественно раскрытой сейчас казакской церковью Большого Вознесения, где венчался Пушкин, стоит небольшое причудливое здание — «модерн» начала XX века. Здесь Горький прожил пять лет.

Я подумал сейчас о том, как весь этот район — переулки между Никитскими воротами и Садовой — связан с Горьким! В Гранатном переулке жил известный в то время общественный деятель С. А. Скимунт, у него останавливался Горький, приезжая в начале 900-х годов в Москву из Нижнего Новгорода. На Спиридоновке стоял особняк Саввы Тимофеевича Морозова, там Горький бывал неоднократно. В Георгиевском (теперь Вспольный) жила Мария Федоровна Андреева. И еще я подумал о том, что этот дом, бывший особняк Рябушинских, строил архитектор Ф. О. Шехтель, он же автор здания МХАТа. МХАТа имени Горького. Что улицы, на которых стоит дом Горького, названы именами хорошо знакомых ему людей — Василия Ивановича Качалова и Алексея Николаевича Толстого. Да, есть о чем рассказывать экскурсоводам, стоя на этом кусочке московской земли, у Никитских ворот.

Итак, Горький жил здесь, в доме на Малой Никитской, с 1931 по 1936 год. Что это были за годы для нашей страны? Это было время Днепростроя и Комсомольска,

похода «Челюскина» и полета первых советских стратонавтов, шли первые поезда по Турксибу, и давал первую плавку Магнитогорск... И звенела над страной задорная песня совсем молодого тогда Шостаковича:

...И радость никак не запрятать,
Когда барабанщики бьют.
За нами идут октябрята,
Картавые песни поют.
Отважные, картавые,
Идут, звеня.
Страна встает со славою
На встречу дня!

И так же напряженно жил в эти годы Горький. Кто только не бывал у него, в доме на Малой Никитской! Старые профессора и начинающие писатели, Ромен Роллан и пионеры с иркутской «Базы курсовых», художники и металлурги... Словно вся Россия, которую исходил он в дни своей молодости, сейчас снова шла перед ним, Россия, ставшая Союзом Советских Социалистических Республик. Он был «участником» всего того, что тво-

рится в стране». Он был редактором нескольких журналов, он был директором Пушкинского Дома Академии наук СССР, он был одним из организаторов Всесоюзного института экспериментальной медицины (ВИЭМ).

Если у вас на книжных полках стоят книги «Библиотеки поэта», большие в синих переплетках (Большая серия) и маленькие в разноцветных (Малая), вы знаете, что на титульных листах «Библиотеки» напи-

сано: «Основана М. Горьким». Если вы откроете любую книгу из другой книжной серии — «Жизнь замечательных людей», вы увидите те же слова: «Основана М. Горьким».

Основано Горьким, начато Горьким, задумано Горьким, сделано Горьким — сколько таких незримых надписей мы можем прочесть на многом, что было совершенно в те годы!

Но в эти же годы пылал рейхстаг и маршировали штурмовики, Муссолини произносил речи с балкона средневекового палаццо, средневековые костры горели на площадях Германии. «С кем вы, мастера культуры!» — спрашивал Горький. И не было борца против фашизма более страстного, более убежденного, более яростного, чем этот очень пожилой в то время, очень высокий сутулый человек.

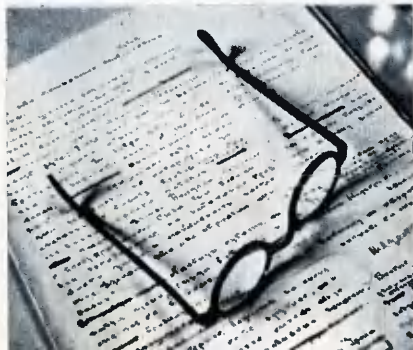
Ровно через месяц после смерти Горького, 18 июля 1936 года, началась гражданская война в Испании — пролог к великой битве с фашизмом.

Пройдет еще несколько лет, и отважные октябрята, певшие картавые песни, станут отважными солдатами Великой Отечественной войны, отстоят Москву, не дрогнув под Сталинградом и, пройдя вслед за врагом до самого его логова, поступят с ним по горьковскому завету: «Если враг не сдается, его уничтожают».

Е. ХРАМОВ

На третьей звуковой странице о Горьком рассказывают Н. К. Крупская и народный артист СССР В. И. Качалов. Вы услышите голос хозяина дома на Малой Никитской и писателей, которые там часто бывали.

**МОСКОВСКИЙ
АДРЕС
ГОРЬКОГО**

Занавес из белой тончайшей пыли висел над утренним Баку. Кто-то сказал: «Это из Туркмении, туркменская пыль налетает...» Тут же послышалось: «Откуда?! Туркмения за морем, и все видели, что оттуда не дуло... Это туман». Для рассеянной в воздухе извески доходчивое, как ему казалось, определение нашел фоторепортер «Кругозора» Леонид Лазарев. Он сказал: «Это не туман и не пыль, а самая обыкновенная что ни на есть голубая доминанта».

Непонятная формула из мира оптики в практическом смысле слова означала крайне простую вещь, а именно: в такой день все в голубых лучах, и снимать вне дома на цвет плохо. Прилипчивое словечко вмешалось в наше бакинское бытие, оно каким-то загадочным образом странствовало вместе с нами, забралось даже в долгий разговор с Караевыми — отцом и сыном. Мы перебарщивались «доминантой», и временами она будто материализовывалась — казалась воображению то стеклышком для поиска зайчиков, то сложной, преломляющей мысль призмой.

Караевых снимали дома прямо во время интервью. Изображение и звук фиксировались одновременно, и щелчки затвора влетали в разговор, словно запятые. Разбиралась проблема «композиторского утра». Но не в плане дневного графика работы, а в масштабе скорее биографическом.

Кара Караев. Думаю, музыкант встает на ноги в тот момент, когда он «ощущает» умение, мастерство. Под мастерством я разумею всю систему мировосприятия, строй мысли целиком, а не только техническую сторону сочинительства. Хотя вне техники нет и умения.

— Нельзя ли для простоты свести творческую технологию к некой схеме?

Кара Караев. Если хотите схематически творчество — это отбор вариантов...

Фарадж Караев. Я бы даже так сказал: умение выбрать нужный вариант и есть умение сочинять музыку...

Кара Караев. В конечном счете — да. Варианты могут временно сливаться, разъединяться, но главный из них — основа будущего произведения — постепенно приобретает самостоятельность, определенность и, наконец, отслаивается. Профессионализм, на мой взгляд, состоит в способности записать лучший вариант сразу. А не писать их десять и потом по-дилетантски мучиться и колдовать над ними. Кстати, высочайшим профессионализмом обладалась манера работы С. С. Прокофьева с балетмейстерами. Он сочинял, положил музыку для спектакля и вручал ее постановщику. Если тот, посмотрев, требовал изменений, Прокофьев писал другой вариант. Если же отвергался и этот, третьего не следовало. И, конечно, Прокофьевым управляло не гиперфотографированное сознание собственного дара, а обоснованное предположение, что режиссер не совсем точно знает, чего хочет...

— Итак вариант выбран...

Кара Караев. Это все же, простите, прозаизм. На самом деле имеет место озарение. Художник ощущает вдруг, что главная мысль, чувство озарили его работу. Это и есть утро, начало творческого процесса. Ты не согласен, Фарадж?

Фарадж Караев: Я не совсем согласен, что должна произойти перемена вдруг, дечь грань. Для меня, во всяком случае, она неопутима. Впрочем, что говорить? Я наслаждаюсь процессом сочинения, но в готовом листе партитуры судить не автору.

Дискуссия коснулась прошлого. Я напомнил собеседникам о том, что не так давно их связывали отношения профессора и студента, регламент метода, педагогика.

Фарадж Караев. Я скажу, быть может, резко. Метод должен виушить студенту мысль о том, что композиция, сочинительство начинаются за письменным столом с министерской или заводской точностью.

Кара Караев. Резкость объясняется опытом. До третьего курса Фарадж активно сопротивлялся тому, о чем он только что говорил. Пришлось нагнуть ушное. И хотя творчески он всегда был активен, я жестко восстал против недисциплинированности. Трудность заключалась в том, что это был мой сын, занимавшийся в моем собственном классе.

В этот момент фоторепортер сделал снимок, который вы видите. Быть может, цеховой портрет?

Кара Караев. Думаю все же, что тут не цех, а нечто иное. Не практика старой частной медицины с передачей клиентов или традиционной адвокатуры с автоматическим наследованием, которые нотариуса-отца нотариум-сыном. Распознать музыкальную одаренность ребенка чрезвычайно трудно. К тому же талант сам по себе должен быть жизнестойким. Поэтому я относился к музыкальным занятиям Фараджа критически, старался держать сына как можно дальше от илюзий и надежд. Когда же в его стремлении проявилась непреклонность, я изменил позицию. В общем, это далеко от медицины...

Фарадж Караев. А впрочем, от медицины есть вот что. Трудно, по-видимому, врачу лечить своих собственных детей.

Кара Караев. Теперь все это почти позади. Мы работаем скорее рядом, отчасти, быть может, параллельно, а музыки к фильму «Голуб» принадлежит нам обоим.

Фоторепортер же почти не слышал разговора, он продолжал свой танец с аппаратом, соединяя его невидимыми ладьями с размышлявшими вслух людьми. Пленка запечатлела немые отражения диалога. Окончив съемку, Лазарев подошел к окну: «Смотрите-ка, пыль исчезла, неужели есть шанс увидеть Баку без голубой доминанты?» «А не жаден ли вам — отозвался Кара Караев. — что сам Баку — то и есть доминанта? Но не призрачная, а зримая, слышимая?»

И мы поехали смотреть город.

Артем ГАЛЬПЕРИН

Репортаж об этом путешествии — на 6-й звуковой странице.

Так сказал поэт. Но мир без песен неинтересен не только для поэтов. Тяга к песне всеобща. Поэтому столь отзывчивы слушатели на радионовинки. А теперь и телевидение, которое для зрителей, по выражению Виктора Шкловского, «раскупорило квартиры, как консервные банки», стало доставлять нам на дом свои песни.

Песня — визитная карточка многих, сделавшихся уже традиционными телевизионных передач. И «Клуб кинопугестивий», и «КВН», и «Кабачок 13 стульев», и «Алло, мы ищем таланты» привычно начинаются с песенной заставки.

Рожденные спецификой телевидения, многосерийные, из вечера в вечер фильмы (а последнее время мы едва ли не каждый месяц присутствуем на их премьерах) тоже, как правило, не обходятся без песен, написанных специально для телеэкрана, с него начинающих свой путь. Песенная мелодия в данном случае является, кроме всего прочего, неким стерж-

Мир без песен неинтересен

нем кинсюжета, помогает целостному восприятию фильма, перекидывая как бы мостки через непременные паузы в его показе. И каждая новая серия подраывает встречу с песней, едва услышав которую, мы торопимся отложить домашние дела, поудобнее устроиться напротив телеэкрана.

Мы как бы возвращаемся к прерванному накануне сюжету, восстанавливаем в памяти характеры его героев, предвкушаем продолжение. Так, очень точно найденными музыкальными образами подчеркнуты непрерывность действия и единый эмоциональный строй телефильмов «Тени исчезают в полдень», «Следствие ведут «Знаток»», «День за днем», «Человек в проходном дворе». Песни, пришедшие к нам в дом с телеэкранов, помогают лучше понять увиденное, надолго закрепляют воспоминания.

Однако новый жанр телеспесни — почему бы не назвать его так? — еще только осваивается композиторами, поэтами и

Кадры из телефильмов «Тени исчезают в полдень» и «Следствие ведут «Знаток»» (внизу).

кинematографистами. Перспективы его пока что лишь пунктирно намечены. Но, судя по первым шагам, у этого жанра должна быть очень интересная судьба.

Александр МАРЬЯМОВ

Две песни — из телевизионных фильмов «Следствие ведут «Знаток»» (музыка М. Минкова, слова А. Горюхова) и «Тени исчезают в полдень» (музыка Л. Афанасьева, слова И. Шаферана) в исполнении А. Горюхова, Э. Лабковского и И. Кирелиной вы услышите на восьмой звуковой странице.

Евгений ВИНОКУРОВ

ЖЕНОТДЕЛ И ДОМОСТРОЙ

Не от любви ль погибла Троя?
У мира, зная, такой удел...
Час пробил. Против Домостроя
Тогда поднялся Женотдел.
Пошла чесать с трибуны гладко:
«В обиду не дадим себя!» —
В платочке красном делегага,
Рукою по-мужски рубя.
Оплот всех жен, и тещ, и дочек,
Он был организован — штаб
Из девочек в косичках тоших
И из широкоспинных баб.
«Мы сами себе власти, знамо...»
Да это ж явный перехлест!
Но женщина воздвигла знамя
Свободы, вставши во весь рост.
Кухарку, няньку и сиделку
Ты заменяла трепеща...
И вот швыряет муж тарелку
Недосоленного борща!
Но где ж вы, римские весталки.
Хранительницы очага?..
«А тех, кто будет ставить палки
В колеса, отвеем в чека!»
Да разве выдержать устоям,
Когда во всю орет плакат:
«До основания разроем
Патриархальности уклад!»
Кричат толпою краснолицей
На всех собраниях: «Не хотим
Закрепощающих традиций!
Долой перину и интим!»
Им заниматься пустяками?
Им ли сгибаться у корыт?
Им ли ворочать утюгами,
Когда пред ними мир открыт?
По локти им вьедался щелок,
Был день их трудный бестолков.
Они родились для светелок,
Завалинок и теремков.
Они знавали тайный трепет...
И, как горшечник в две руки
Сырую глину мнет и лепит,
Их мяли ночью мужики.
И жребием довольны малым:
«Да кто же мы такие, чать?» —
Могли по сельским ритуалам
Где вставить слово, где смолчать.
Они слезали с сеновала
И нагибались до жнивья.
Зато им веки закрывала
Большая, дружная семья...

...Хоронит брата Антигона.
В домашних сложностях Эдип...
«Хочу развода! Нет закона!
Что? Муж? Так он отсталый тип!»
И, осененные веками,
Трещат опоры. Где же щит?
И муж лишь развеет руками.
Затылок поскребет. Смолчит.
А если вы в бегу увязли
И если в чувствах кутерьма,
Пожалуйста: детсады, ясли.
Приюты, детские дома.
Не умирать же, как собаке,
Мужчине злым холостяком,
Как быть? Очуждался ли свaxe
В тяжелом случае таком.
И свaxe тянет чай с печеньем...
«Да, милый, все теперь не так!
Все рухнуло. И уж священным
Отныне не зовется брак».
А где же ты, невеста-плакса?..
Освобожденные от пуг,
Жених с невестою из загса,
Как два товарища, идут.

ЗДРАВЫЙ СМЫСЛ

Смеются, плачут ли навзрыд
народы, точно дети...
Но здравый смысл один парит
на этом белом свете.
Конечно: пицца хороша,
и ни к чему отравла...
На свете каждая душа
об этом судит здраво.
Ну что ж, поговорка права!..
И все известно в мире:
что дважды два есть дважды два,
не пять, не шесть — четыре.
Все в мире прописи одни.
Пускать ягненка к волку?..
...Ну что ж, возьми и загляни
в любую поговорку.
Путь парадокса разве путь?
Не стань карикатурой!

И все, что слышал — в этом суть! —
проверь своею шкурой.
Нам здравый смысл начертит: от
и до... Иди же! Право,
он шевельнуться не дает
ни влево и ни вправо.
Жизнь-то тебе не тишь да гладь,
прогулка по аллеям.
Его мы любим попирать,
а после сожалеем!
Риски. И взорвался тротил!
Вылаз из-под развалин!..
Ну что ж, ты шкурой ошутил,
насколько мир реален!
Казалось мне: взлечу! Возьму
и раз!.. И в землю к лета...
Он не прощает никому
малейшего просчета!
В огонь сунь палец и смотри...
И захохнешься в крике,
и слезы, точно волдыри,
вдруг выступают на лике!
Лишь только им пренебрежем
на миг, то для порядка,
уча, жизнь сразу ж нас ножом
ударит под лопатку...
Риски! И все легит к чертам.
И что ты в жизни видел?!
А он шагает по костям,
жестокий победитель!
Вот ты вдруг рубанул сплеча
иль все забыл вдруг в раже...
А он идет, топча, топча
фантомы и миражи.
Ты наломать способен дров
иль схлопотать по шее...
Ведь этот смысл — он так здоров,
нельзя быть здоровее!
Лишь кто безумством заражен
иль кто с душой героя,
тот прямо прется на рожон
и входит в пекло боя...
И все-таки диктует быт:
обдумай все, расчисли!..
...Природа, как в трубу, трубит,
трубит о здравом смысле.

Рисунки П. Цепелинского

Двадцатый век не устает ошеломлять сенсационными открытиями. И, пожалуй, самые неожиданные открытия человек делает в себе.

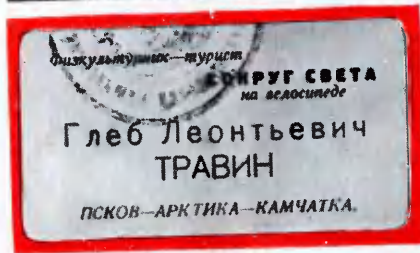
Можно ли переплыть океан на плоту? Или на надувной спасательной шлюпке? Или на паруснике в одиночку? Еще недавно казалось, что те, кто задумывал это, просто-напросто чудаки, идущие наперекор здравому смыслу. Но такие «чудаки», как Тур Хейердал, Алэн Бомбар, Фрэнсис Чичестер, изменили наши представления о возможностях человека в борьбе со стихией.

Псковитянина Глеба Травина тоже называли чудачком, когда он полвека назад замыслил предпринять путешествие вдоль государственных границ СССР на велосипеде. Решил доказать, на что способен человеческий организм, какие огромные физические, психические и моральные ресурсы заложены в нем для дел, казалось бы, непосильных. Вспомните: поход «челюскинцев», перелет Чкалова через Северный полюс, дрейф Папанина — все это было еще впереди. И Глеб не мог рассчитывать на радиосвязь, у него просто не было радики.

На псковских проселках начались первые тренировки молодого школьного преподавателя. Он приучил себя ездить на велосипеде в любую погоду, ночевать в снегу, довольствоваться сырой пищей. Освоил профессию слесаря, чтобы самому делать ремонт в дороге. Изучил растительный и животный мир мест предполагаемого маршрута.

Восемь лет готовился Травин к своему эксперименту. Приступил к нему после службы в армии в октябре 1928 года. Выехав из Владивостока, он за год с небольшим пересек на велосипеде тайгу Приморья и Сибири, степи и пустыни Средней Азии, горы Кавказа и Крыма, всю среднерусскую полосу и Карелию. И вот Заполярье.

...От берега, где лед был торосистым, Глеб уходил на десятки километров в поисках ровной поверхности. Зато там, да еще с попутным ветром, он проезжал по 200 — 300 километров за день. «Переход совершаю ежедневный, не менее 8 часов в сутки, — записывал он в дневнике. — Питание строго по распорядку: в 6 часов утра и в 6 часов вечера. За-

ПРИКЛЮЧЕНИЯ
ДЛЯ ВАС

ПО АРКТИКЕ НА ВЕЛОСИПЕДЕ

Глеб Травин. 1928 г. Г. Л. Травин с юнгами спортсменами у велосипеда, на котором он совершил свое путешествие. 1972 г. Фото И. Рыбакова

пасов продуктов с собой нет, кроме неприкосновенного — трех фунтов галет и одного килограмма шоколада. Одежда облегченная, без головного убора». В прибрежной полосе Травин бил мелко-го зверя. Ловил рыбу, охотился на тюленей и медведей. Не раз подвергался смертельной опасности — мог замерзнуть, окунувшись в ледяную купель, погибнуть в схватке со зверем.

Велосипед был для Травина не только транспортным, но и спасательным средством: веревка, привязанная к седлу, не раз выручала ездока, когда он проваливался в скрытые снегом трещины. Велосипед служил и каркасом для импровизированного укрытия.

Этот небывалый кросс проходил вдали от подбадривающих взглядов болельщиков. И все же зрители нашлись. Известный полярный летчик Борис Григорьевич Чухновский встречал велосипедиста у Новой Земли и на острове Диксон. Начальник Карской географической экспедиции Николай Иванович Евгенов принимал его на борту ледокола «Ленин» в бухте Варнека. Командующий полярной авиацией Марк Иванович Швелев свидетельствует, что летчики видели Травина у устья Енисея...

В июле 1931 года на Уэлене был установлен памятный знак в честь необычного арктического перехода. Эксперимент закончился. Травин прибыл в Петропавловск-на-Камчатке.

Здесь Глеб Леонтьевич проработал более 30 лет. Был директором первой камчатской электростанции, преподавателем мореходного училища. Выйдя на пенсию, Травин вернулся в родной Псков.

После издания книги «Человек с железным оленем» Травин стал получать сотни писем со всех концов света. Ему сообщают, например, что во Львове и Берлине созданы школьные клубы путешественников его имени, спрашивают о подробностях арктического кросса.

На четвертой звуковой странице журнала Глеб Леонтьевич Травин рассказывает о нелегком преодолении «ледовых километров», о преодолении самого себя...

О. ЧЕЧИН
г. Псков

ликие стройки первой пятилетки; о том, что молодой Райкин был заводским рабочим на Ленинградском химическом заводе и даже сумел провести в цехе свое рационализаторское предложение; о том, что он принес на сцену свое яркое актерское дарование в те годы, когда театр наш создавал ТРАМЫ, жил общими заботами со своей Советской страной; и о том, как выступал Райкин на фронтах Отечественной войны, веселя и бодря перед боями наших воинов...

Могло ли это пройти незамеченным в духовной биографии большого советского артиста? Могло ли не оставить никаких следов в характере и особенностях его мастерства?

Тот, кто часто смотрит игру Райкина, видит, как с годами «глубинеет» его игра, наполняется все более глубоким общественным смыслом и, не теряя замечательного эстрадного мастерства, не теряя способности увлечь, рассмешить зрителя, все более отходит от той формы эстрады, которую мне хотелось бы назвать развлекательно-злободневным репортажем, типа Одесского театра миниатюр...

Великое искусство всегда исторично, оно приносит с собой глубину пережитого. И поэтому оно всегда современно — современно в том смысле, в каком говорил Маркс о неумирающей реальности Гомера... И тут водораздел между специфическим искусством эстрады и между искусством Райкина.

Эстрада всегда злободневна. Райкин всегда современен. Он живет в реальном советском мире, живет вместе с этим

СОВРЕМЕНЕН

миром, проходит все стадии развития и роста современного ему человека; проблемы, волнующие на разных этапах наше общество, всегда волновали и волнуют его вместе с народом; и весь пережитый опыт он приносит с собою в свое «сегодня».

Но есть и еще одно качество в сатирическом даре Аркадия Райкина, резко отличающее его от обычной профессии «эстрадника». Если он рождает образ с его длинной, уходящей в прошлое пережитой жизнью, с его «исторически» нажитым и отложившимся в характере опытом, то неожиданным, необычным штрихом он как бы добавляет к нему в своей игре и некоторую проекцию будущего, нечто педагогическое, идущее уже от него самого, от его доброты, от его чувства к созданному им образу...

Зрительный зал любит искусство Райкина, взаимодействует с ним, потому что это искусство заставляет его переживать не чужое, не поверхностное, не выдуманное, а нашу собственную жизнь, переживать не бессмысленно и не бесцельно, не забывая и не теряя полученное от актера.

Зритель проходит через освежающее, умудряющее чистилище сатиры. Он облегчает себя хохотом, снимающим с плеч усталость. И уносит с собой урок...

В первом номере «Кругозора», вышедшем восемь лет назад, была пластинка с выступлением Райкина, и как это хорошо, что 100-й номер журнала снова дарит слушателю Райкина.

На пятой звуковой странице
в исполнении Аркадия Райкина
интермедия и песня
(музыка Я. Френкеля,
стихи И. Шафераца)
из спектаклей
1968 — 1972 гг.

Фото Л. Лазарева

В первое время, когда я стал бывать у дяди Сандро, я обычно находил его в общественном саду, который он сторожил. Сад был расположен недалеко от дома и принадлежал табачной фабрике. В саду росли яблоки, груши, сливы и хурма. Когда я первый раз появился в этом саду, почти все фрукты там уже были убраны, только хурма светилась фонарями своих плодов и несколько яблонь все еще стояли в яблоках.

В этом саду дядя Сандро пас свою полулегальную корову, держа ее на длинной веревке. Обычно он сидел на старом потнике, опрятный, с таким горделивым видом, словно держал на привязи не обычную корову, а небольшого зубробизона, укрощенного лично им. Иногда на шею у него висел прекрасный цейсовский бинокль, как он говорил, личный подарок принца Ольденбургского.

Я заметил, что с места, на котором он сидел, хорошо просматривалась дорога, и, если на ней появлялся подозрительный,

милиционер, поравнявшись с нами, останавливался у забора, почему-то бросил тоскливый взгляд на одну из яблонь, потом на дядю Сандро и сказал:

— Пасешь?
— Пасу, — твердо ответил дядя Сандро.
— Хорошую ты мне яблоню отвел, — вздохнул милиционер и снова оглядел яблоню, на которой, как я теперь заметил, и в самом деле почти не было плодов. Это была яблоня местного сорта.
— Сам выбирал, — ответил дядя Сандро загадочно.

— Хорошо ты мне удружил, по-соседски, — сказал милиционер и, укрепив под мышкой буханку, двинулся дальше, все еще продолжая ворчать.

— Что такое? — спросил я.
— Из-за коровы отвел ему яблоню, — сказал дядя Сандро, — она в этом году не дала урожая. Вот он и сердится.
— И давно это вы так? — спросил я.
— Шестой год, — сказал дядя Сандро, — раньше я коз держал. Выбрать дерево

ДЯДЯ САНДРО

Фазиль
ИСКАНДЕР

с его точки зрения, человек, он загонял корову за большой развесистый куст ежевики, словно нарочно для этой цели выращенный в саду.

Корова, по-видимому, так к этому привыкла, что, как только дядя Сандро вставал, а то и не вставая, бывало, подергивал веревкой, она сама брела за куст и, кажется, выглядывая оттуда, ждала, пока пройдет подозрительный человек. Кстати, я ни разу не слышал, чтобы эта корова замычала. Я этим не хочу сказать, что дядя Сандро приучил ее к молчанию или она сама понимала незаконность своего пребывания в пригороде. Но все же было довольно странно видеть столь уж бессловесное животное.

В тот первый раз, когда я его посетил в саду, произошел забавный эпизод. Внизу на дороге появился милиционер, судя по буханке хлеба, которую он держал под мышкой, местный человек. Дядя Сандро, продолжая сидеть на своем потнике, слегка приосанился.

я ему даю весной. В этом году ему не повезло. Я ему дал в прилачу сливу-скороспелку, но он все равно недоволен.

Я спросил у него, чего он все следит за дорогой, если уж с милиционером у него налажены деловые отношения.

— А райсовет? — сказал дядя Сандро
— Отведи и им какое-нибудь дерево, — предложил я.

— На всех не напасешься, — ответил он, несколько раздраженный неуместностью моего шутиwego тона.

Приходя сюда, я усаживался рядом с ним, и мы беседовали, причем дядя Сандро предупреждал меня, чтобы я не сидел на голой земле, ибо от этого, по его мнению, происходит большинство болезней.

Сидеть, уверял дядя Сандро, надо на камне, на бревне, на шкуре животного или в крайнем случае, если ничего нет, на собственной шапке. По его словам, за всю свою долгую жизнь он ни разу не сидел на земле.

Рисунок В. Шапова

— И, как ты видишь, я неплохо сохранился, — говорил он, поглаживая ладонью лицо. На это возразить было нечего. Почти по любому поводу он вспоминал случаи из своей бурной жизни или меня просил рассказать ему, что делается на свете. Слушал внимательно, но не слишком удивляясь, словно все, что происходит теперь, — это разновидность того, что он давно знал или сам пережил. Подвиги в космосе как будто оставляли его равнодушным. Главное, что меня слегка раздражало, он сначала обо всем очень подробно расспрашивал, а потом, выслушав, махал рукой, мол, все это неправда.

— Один человек из нашей деревни, — сказал он как-то после очередного моего космического рассказа, — вбил кол у себя в огороде, а потом всем говорил, что это середина земли. Попробуй проверь! Меня это задело, и я, несколько горячась, стал доказывать, что тут не может быть никакого обмана.

И МОЛЧАЩАЯ КОРОВА

— Послушай сюда, — сказал он и сновито дотронулся до своих серебристых усов. — Один пастух, когда кончился март, самый дождливый и неприятный для пастухов месяц, сказал: «Слава богу, кончился этот вонючий март, теперь и вздохнуть можно». Услышал это март и обиделся на пастуха. Ну, говорит, покажу я этому негодюю. Просит март у апреля: «Одолжи мне пару дней, отомщу я этому голодранцу за оскорбление». «Хорошо, — говорит апрель, — пару дней я тебе дам по-соседски, но больше не проси, потому что самому времени не хватает». Взял март у апреля два дня и нагнал такую погоду, что по неделе не выйдешь из-под крыши, а не то чтобы стадо вывести. Что делать? Голодные козы кричат, козлята беспокоятся, без молока вот-вот перемрут. И все-таки пастух вывернулся. Посадил он кошку в козий мешок и подвесил за балку в сарае, где держал коз. А козы, как ты знаешь, любопытные, вроде женщин. Вот

они и прозыркали два дня, стараясь понять, почему это мешок качается и кричит кошачьим голосом, а про голод забыли. Вот так наш пастух перехитрил март.

— Ну, это вы перехватили, дядя Сандро, — смеюсь я.

— Меня не проведешь, — улыбается он, довольный. — Сандро из Чегема кое-что видел на свете...

— Расскажите, — прошу я.

— В свое время, в своем месте, — отвечает он, задумавшись, и глядит куда-то вдаль...

После этой встречи мы с ним не виделись около месяца, и я стороной узнал, что дядя Сандро попал в автомобильную катастрофу. Он ехал на грузовике вместе со своими земляками на какие-то большие похороны в селе Атары. Навстречу им мчался грузовик, возвращавший людей с этих же похорон. Шофер грузовика, оказывается, по неопытности не справился с управлением. Машины стол-

кнулись. К счастью, никого не убило, но было много раненых. Дядя Сандро сравнительно легко отделался: он вывихнул ногу и потерял один зуб.

— Чуть со своими покойниками не приехали на эти похороны, — рассказывал он и, пальцем оттопырив губу, показал единственный проем между зубами. Он сидел в саду на том же потнике, только теперь рядом с ним торчал посох, к которому он, оказывается, пристрастился после этой автомобильной катастрофы. Корова на длинной веревке паслась тут же; время от времени отрываясь от своего сочного занятия, она, подняв голову, поглядывала на дорогу.

В то время как раз проходила кампания по пересмотру пенсионного дела. То ли дядя Сандро узнал о ней, то ли решил, что автомобильная катастрофа — это не что иное, как производственная травма, но он стал просить помочь ему выхлопотать пенсию. В каком-то идеальном смысле он и в самом деле получил производ-

ственную травму, но навряд ли собес захотел бы это понять.

Он показал мне два длинных заявления с перечислением его скромных заслуг в хозяйственном и культурном строительстве Абхазии. По-видимому, оригиналы уже были посланы в правительство.

— Ну, и ты со своей стороны поднажми, — попросил он, пряча бумаги в карман.

— Дядя Сандро, — сказал я, — но ведь у вас нет трудового стажа!

— Шесть лет за этим садом присматриваю, гори он огнем, — сказал он без особого энтузиазма. Видно, вопрос этот уже подымался и без меня.

— Мало, — сказал я.

— Выдумали какой-то стаж, — проворчал он. — Раз человек не грабил, не убивал, значит, он жил трудом...

На дороге опять появился милиционер. Дядя Сандро несколько подобрался в ожидании, когда тот поравняется с ним. Поравнявшись, милиционер снова остановился и мельком взглянул на свое дерево,

Из романа «Жизнь Сандро Чегемского»

как бы с презрительной надеждой увидеть на нем неожиданно появившиеся плоды, хотя теперь уже и на других деревьях не было ни одного плода.

— Пасешь? — перевел он взгляд на дядю Сандро.

— Пасу, — с достоинством ответил дядя Сандро.

— Чтоб ты столько счастья имел, сколько я пользы имею с твоего дерева, — проговорил милиционер и пошел дальше.

— Другой раз будешь летние выбирать! — крикнул вслед ему дядя Сандро.

Милиционер остановился и, обернувшись, горестно протянул:

— Летние... Ничего, Сандро, дождешься похуже того, что с тобой случилось, — добавил он и пошел дальше.

Было похоже, что милиционер этой загадочной фразой дал знать, что автомобильная катастрофа — это деликатный намек того, что свыше следит за нашими поступками и время от времени легкими щелчками напоминает о себе.

...Внезапно все изменилось. За окном вагона не было больше снежных сугробов, и поезд мчался уже не по широким просторам Севера. Исчезли сосновые леса в легкой снежной дымке, тихие огни полустанков, поля, дороги и охотничьи костры, затерянные в сизых вечерних сумерках. Теперь был жаркий апшеронский полдень, и были раскаленные пески Каспийского побережья и бесконечная синева моря, сливающаяся на горизонте с голубизной высокого чистого неба.

Это пел Муслим.

По внутренней радиосети поезда передавали песню Полада Бюль-Бюль оглы. Муслим пел как бы на одном дыхании, широко и открыто, и в маленькое купе входила вся моя республика — ее зеленые долины и горы, высокие деревья и низкие кустарники, озера, реки и скалы...

А однажды в душный августовский вечер в мою бакинскую комнату ворвалось дыхание Балтийского моря, аромат польских деревьев и все краски нарядного фестивального Сопота. Это пел Муслим.

И было еще одно утро — в юрте чабана на плато горы Шахдаг, на высоте четырех тысяч метров над уровнем моря. Кто-то повернул выключатель транзистора, и в эту заоблачную высь пришла Москва — самый лучший город Земли. Омыйтый вечерним майским дождем Арбат, линии Крымского моста, вписывающиеся в фон заката, и сирень, цветущая на Дорогомиловской набережной.

Это пел Муслим.

Муслим Магомаев — один из самых популярных наших певцов. И, по достоинству оценивая мощь и обаяние его голоса, артистичность и талант, я благодарен ему еще и за другое. Музыка — это особый транспорт сердца, транспорт, уносящий наши мысли, воспоминания, чувства из города в город, из страны в страну, из настоящего в прошлое.

Секретом этих пугешествий владеют только истинные мастера. Такие, как Муслим.

АНАР
г. Баку

ГОРИЗОНТЫ ГОЛОСА

МОЯ ПРОФЕССИЯ — ПЕСНЯ

На одиннадцатой звуковой странице в исполнении
Муслима Магомаева
«О, милая» (А. Мажуков, А. Пушкин)
и «Молдавская ночь»
(В. Гамазия, Р. Рождественский).

Фото А. Лидова

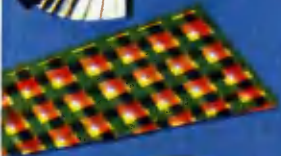
Доби Чабрич
с ансамблем «Диалог».
Ольга Сорокина.
Мари Лафоре.

Уважаемые мои посетители, всегда-таки «Кабачка». Как же давно мы не встречались! И как хочется представить себе, что и вы — ну, конечно, не так, как я, — тоже тосковали в разлуке. Несмотря на то, что на этот раз мы встречаемся с артистами из разных мест и петь они будут на разных языках, вам все будет понятно и близко, потому что я просил их петь только о любви. Между прочим, однажды один мой знакомый поэт при встрече сообщил мне очень доверительно: «Сочинил цикл о любви — закрыл тему!» Поначалу я перепугался, но теперь понемногу отхожу: по всей видимости, не все поэты прочли еще этот цикл и сочиняют а том же преднете, оставляя по широте душевной тему открытой и для будущих сочинителей... Но это между прочим. Итак, если вы привычным движением пальцев долистаете этот номер «Кругозора» до 10-й звуковой страницы, мы снова окажемся вместе в атмосфере самой любви.

Неизменное мое уважение к вам тому лучшая порука.

Зиновий ГЕРДТ

КОЛОБОК

Издавна молва (подкрепленная, увы, сказкой) гласила, что недолгий век Колобка закончился бесславно — на носу Лисы. Гуманизм нашего времени не мог, конечно, вынести такой несправедливости. И вот уже четыре года Колобок продолжает регулярно — раз в два месяца — выпекаться. По полкам мест, по сушекам скрести дедушке и бабушке помогают писатели и художники, композиторы и режиссеры, актеры и редакторы.

Колобок круглый, и это не так уж плохо. Круг — наиболее рациональная форма мироздания (сравни: Земля, Луна, Солнце). Кстати, отсюда произошло и название журнала «Кругозор» — старшего брата «Колобка». Для сотого номера «Кругозора» детский звуковой журнал «Колобок» сделал пластинку «Фестиваль игрушек».

9

Все роли исполняет Виктор Чистяков. В своей обширной коллекции голосов артист постарался найти особые интонации и тембр для четырех игрушек-зверюшек. Перепробовал десятки вариантов, работал легко и весело. «Знаете, что я люблю больше всего на свете? — спрашивал он. — Смешить людей». И делал он это блестяще. Его остроумные пародии на известных певцов всегда дружеские: он пародировал только тех, кого любил. Однажды почитатели его таланта поинтересовались: «А почему вы не поете своим голосом?» Он озорно ответил: «А я забыл, какой из голосов мой». И все-таки голос у него свой, неповторимый. Его не спутаешь ни с каким другим. Артист Виктор Чистяков снова поет для вас

Ю. ЭНТИН

Рисунок А. Прохондеев

Слушайте

в

номере

7 (100) июль 1972
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЗВУКОВОЙ ЖУРНАЛ
Год основания — 1964

1. Вчера и сегодня советской героики. Говорят Серго Орджоникидзе, академик Игорь Тамм, космонавт Константин Феоктистов...
2. «Остров сокровищ». Песня-репортаж Ю. Визбора о нефтяниках Каспия.
3. Встречи с Горьким. Воспоминания Надежды Константиновны Крупской и народного артиста СССР В. Качалова.
4. Один в ледяной пустыне. История необычного велокросса.
5. Аркадий Райкин в маске и без маски.
6. Голоса городов. С Караевыми по звучащему Баку.
7. Ирина Архипова: «Я жду тебя», «Звучат нежней свирели», «Агнус Дей».
8. Песни из телефильмов «Следствие ведут «Знаток» и «Тени исчезают в полдень».
9. Страничка «Колобка». Фестиваль игрушек.
10. Кабачок 33 1/2 оборота. Поют О. Сорокина («Слезав»), М. Лафоре («Манчестер — Ливерпуль»), Д. Чабрич («Цыганское сердце»).
11. Муслим Магомаев: «О, милая», «Молдавская ночь».
12. Элис Режина (Бразилия): «Сказал, и точка», «Мадалена».

Звуковые страницы
изготовлены Всесоюзной
студией грамзаписи
фирмы «Мелодия»
и Государственным Домом
радиовещания и звукозаписи

ИЗДАТЕЛЬ:
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
КОМИТЕТ СОВЕТА
МИНИСТРОВ СССР
ПО ТЕЛЕВИДЕНИЮ
И РАДИОВЕЩАНИЮ

На первой странице
обложки: работа
народного художника
Азербайджана
Т. Салахова «Новое море»

Режиссер
Н. П. Субботин
Художник
А. Г. Луцкий
Тех. редактор
Л. Е. Петрова

РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ

Адрес редакции:
113326, Москва,
Пятницкая, 25.

Телефоны редакции:
263-23-16, 263-24-40

Сдано в набор
29.V 1972 г.
B 05872. Подл. к печ.
12.VI 1972 г. Формат
бумаги 60x84 1/2.
Усл. п. л. 1,24
Уч.-изд. п. 2,03
Тираж 450 000 экз.
Зак. 3079. Цена 1 руб.

Ордена Ленина и ордена
Октябрьской Революции
типография газеты «Правда»
имени В. И. Ленина
125865. ГСП. Москва, А-47,
ул. «Правды», 24.

Впервые я услышал Ирину Архипову семнадцать лет назад на Всемирном фестивале молодежи и студентов в Варшаве. Шел концерт на открытом воздухе в Старом месте — древней части Варшавы. Певица, казалось, заполнила своим сильным меццо-сопрано сплетения всех узких улочек. В окнах ближних и дальних домов, как в эффектных театральных ложах, теснились десятки зрителей в дополнение к тем, что окружили подмостки. Архипову принимали восторженно и без конца заставляли петь. Остроумный ведущий, наконец, прочитал неумеренно пылким поклонникам нотацию насчет «эксплуатации человека» и решительно объявил следующий номер.

После концерта Ирина Константиновна, еще возбужденная, очень усталая, рассказывала, как приятно ей было петь среди такой внимательной аудитории, в окружении великолепной «архитектурной декорации». Ведь она архитектор. Вернее, была архитектором...

Да, к 1955 году окончательно рассеялись сомнения выпускницы Московского архитектурного института, сомнения долгие и мучительные. Сколько лет мир музыки, мир песни существовал для нее рядом с привычной тишиной кабинетов и горбатыми линиями чертежного зала! Рядом, не больше. И, наверное, один говорил: «Да брось ты эту смену — ты же серьезный человек», — а другие: «Да брось ты эту архитектуру — у тебя же голос...» Половинчатость противоречила цельности ее характера, и она сделала решительный выбор. Консерватория. Место солистки Свердловской оперы.

Успех в Варшавском фестивале распахнул перед Архиповой двери Большого театра. Весной 1956 года она с блеском дебютировала в «Кармен», открыв этой ролью счет множества жизней своих будущих героинь.

Амнерис в «Аиде» и Эболи в «Дон Карлосе» Верди, Марфа в «Хованщине» и Марина Мнишек в «Борисе Годунове» Мусоргского, Любава в «Царской невесте» Римского-Корсакова, Полина в «Пиковой даме» Чайковского, Ниллова в опере «Мать» Хренникова, Комиссар в «Оптимистической трагедии» Холминова...

О многом говорит этот далеко не полный перечень оперных партий, таких разных — у каждой свой характер, свой темперамент. И мне вспоминаются слова Федора Ивановича Шалигина, сказанные им на склоне лет: «Я прожил множество жизней — в одной. Я умирал столько же раз, сколько умирал на сцене Борис Годунов, и воскресал к новым деяниям с моими новыми героями». Владея искусством перевоплощения, большие артисты и в самом деле волны переступать границы эпох и сословий; «машина времени» — их послушная служанка. Правда, для того, чтобы зритель стал свидетелем этой, каждый раз погружающей душу перемены, нужно быть артистом, которому верят, вместе с которым плачут или смеются, ненавидят или любят. Даже самые далекие от театральных кулис люди безошибочно угадывают в артисте такую силу, и тогда на спектакль трудно попасть. Ирине Архиповой выпало счастье стать именно такой артисткой.

Счастье? Судьба? Талант?

Да, талант актера — это дар. Его не заменить ни грузом, ни горячей любовью к театру, особенно если речь идет об опер-

МНОЖЕСТВО ЖИЗНЕЙ— В ОДНОЙ

МАСТЕРА
СОВЕТСКОГО
ИСКУССТВА

ной сцене. Добросовестность тут малая утеха. И все же... Выражение «творческий путь» — это не только рамки времени, реестр успехов и неудач. Это вся жизнь, у которой больше буден, чем праздников. Это абсолютное подчинение цели.

О народной артистке СССР Ирине Архиповой пишут маститые театральные критики мира. О ее таланте, голосе, сценической выразительности, особом умении перевоплощаться, причем не только за счет внешнего рисунка роли, а меняя даже сам тембр голоса, его глубокий смысл, тональность, краски. Конечно, этого требуют партитура, сюжет, декорации, наконец, дирижер. Но куда более строгим и взыскательным судьей выступает собственное актерское «я» — безжалостный самоанализ, мучительный и неподкупный, перед которым ничем не оправдаешься...

Зритель пришел в театр. Ему нет дела до того, как актер провел день, нет дела до мелочей его бытия.

Стоя за кулисами театра, я не раз наблюдал, как готовятся выйти на сцену актеры. Видел, как в полутьме от рампы ждала своей ноты Архипова. Чуть пригнув голову, сосредоточенная и неподвижная, она отрезала себя от сиюминутного, чтобы стать другим человеком, войти в роль. А когда начинала петь, ее страстный голос как бы проникал в самую глубину души слушателей в партере и на галерке, подчиняя настроения и вкусы, характеры и обстоятельства.

Актеру тоже неважно, как провел день посетитель театра. Ему важно, как он проведет следующий, каким будет в его душе след театра, след спектакля. Может быть, потому и жив вопреки стольким ниспровергательским прогнозам театр, что сцена дарует нам эту силу очищения, радостную силу эмоционального заряда, если хотите, зависти и желаний, энергии и раздумий — всего того, что мы обычно называем приближением к истинной культуре. Именно поэтому всегда оживленно и тесно у большинства театральных подъездов в нашей стране, именно поэтому так желанно принимают на рабочих собраниях и концертах прямо в цеху и в поле советских артистов.

А чтобы пленить завсегдатаев «Ла Скала», чтобы добиться звания «лучшей в мире Кармен», чтобы «Метрополитен опера» с нетерпением ожидала встречи с тобой, а работницы Бауманского района Москвы, затаив дыхание, слушали твое выступление, — для этого нужно пройти через самоотречение. Только тогда тебе «выпадает» великое счастье прожить множество жизней в одной!

М. РОДИОНОВ

Ирину Архипову, лучшую в мире Кармен, принимают у себя работницы фирмы «Мелодия». Фото А. Гаранина.

*На седьмой
звуковой странице
в исполнении Ирины Архиповой
слушайте*

*«Я жду тебя» С. Рахманинова,
«Звучат нежней свирели» И. Брамса
и «Агнус Дей» Ж. Бизе.*

Цена 1 руб.

ЭЛИС
ТРЕЖИНА

ЭСТРАДА ПЛАНЕТЫ

12

Бразилия

В 1965 году девятнадцатилетняя учительница из Порто-Алегре приехала в крупнейший город Бразилии Сан-Пауло, мечта о сверкающих огнях рампы. Спустя год она стала победительницей первого национального фестиваля песни. А еще через три добилась триумфа: дважды в течение одного сезона она была удостоена приглашения в парижский театр «Олимпия» — Мекку мировой эстрады. Еще одну эффектную победу она одержала, записав популярную песенку «короля» футбола Пеле в дуэте со знаменитым автором.

Сейчас Элис Режина неоспоримо «певица номер один» Бразилии. Ее имя на афише гарантирует аншлаг даже в нынешнее неустойчивое время, когда бразильцы не слишком охотно раскошеливаются на развлечения, думая о хлебе насущном.

Овации и восторженные рецензии чуть было не вскружили Элис голову. Она вдруг решила, копируя звезд Голливуда, обновить репертуар, разбавив его модными европейскими и американскими песенками. Вскоре Элис поняла, что ее талант не нуждается в подражательстве, в заимствовании «с чужого плеча». И виюв обратилась к творчеству бразильских композиторов — профессиональных и народных...

В прошлом году Элис удачно выступила на фестивале-концерте, который был организован в крупнейшем выставочном зале «Аньемби» в Сан-Пауло. Сто тысяч слушателей — «население» переполненных «Лужииков» — свидетельство того, что после футбола музыка занимает главное место в сердцах бразильцев. Из нескольких песен, исполненных Элис в тот памятный вечер, наибольшим успехом пользовалась романтическая баллада о любви «Мадалена» композитора Ивана Лиса, которая сейчас бьет все рекорды популярности в магазинах грампластинок Бразилии, и «Сказал, и точка!» Бадена Пауэла. Эти песни вы услышите на двенадцатой звуковой странице журнала.

И. ФЕСУНЕНКО